Александра Позднякова

Гранатовое поместье, 23

Александра Позднякова

Гранатовое поместье, 23

«Автор»
2026

Позднякова А.

Гранатовое поместье, 23 / А. Позднякова — «Автор», 2026

Что делать, когда жизнь превратилась в чек-лист, а любовь — в режим «спасения»? 23-летняя Анастасия рисует только в мечтах, прячась за бесконечным «потом». 28-летний Дмитрий гасит чужие кризисы, путая адреналин со счастьем. Их отпуск в Крыму должен был стать просто паузой. Но десять дней в старом саду становятся точкой отсчёта. Здесь, под крымским солнцем и ритмом моря, они впервые слышат себя. Без дедлайнов. Без похвалы. Без страха быть неидеальными. Вернувшись в Москву, они учатся строить не карьеру, а жизнь: шить рубашки с видимыми швами, писать картины без гарантии «вау», любить без спасательных жилетов. Это история не о победе над обстоятельствами, а о мужестве быть честными. О том, как перестать зарабатывать право на дыхание и просто вдохнуть. Современный психологический роман для тех, кто устал бежать и готов наконец остановиться. Поместье не в Крыму. Оно внутри.

© Позднякова А., 2026
© Автор, 2026

Александра Позднякова
Гранатовое поместье, 23

Гранатовое поместье, 23.

ГЛАВА 1. ПРИБЫТИЕ В ГРАНАТОВОЕ ПОМЕСТЬЕ..

Июнь 2026-го не спрашивал разрешения на лето. Он просто наступал, тяжёлый, золотистый, пахнущий раскалённым асфальтом и солью. Поезд «Таврия» стучал колёсами по рельсам, отсчитывая километры до Симферополя, но Анастасия уже давно перестала смотреть на расписание. Она смотрела в окно, где за стеклом мелькали оливы, приземистые дома с черепичными крышами и море, которое сначала пряталось за холмами, а потом вдруг вынырнуло, как ладонь, протянутая из-за горизонта.

Ей было двадцать три. Цифра, которая в двадцать два казалась рубежом, а в двадцать три — просто отметкой в календаре. Рюкзак лежал у неё на коленях. Не тяжёлый. Но в нём был предмет, который весил больше, чем все её вещи вместе взятые: пустой мольберт, три тюбика акрила, палитра, потрёпанная от прошлых попыток, и страх. Страх не назывался по имени. Он прятался за фразами вроде «потом», «когда будет время», «сначала разберусь с работой».

— Двадцать три, — Дмитрий потянулся через столик, протягивая ей бутылку воды с этикеткой «Крымские источники». — Ты всё ещё веришь, что мир подождёт, пока ты соберёшься с мыслями?

Она взяла бутылку. Конденсат капнул на джинсы.
— Мир подождёт, — сказала она. — Он у меня в долгу.

Дмитрий рассмеялся. Ему было двадцать восемь, и он смеялся так, как смеются люди, привыкшие держать удар: громко, уверенно, с лёгкой трещинкой в голосе, которую замечали только те, кто знал его дольше года. Высшее образование по металлургии висело у него в голове не как диплом, а как инструкция к выживанию: сплавы плавятся при определённой температуре, конструкции выдерживают нагрузку до предела, а если превысить — всё треснет. Сейчас он собирал ивенты. Координировал звук, свет, подрядчиков, бюджеты, нервных заказчиков и уставших артистов. Его валютой был адреналин. Он не признавал этого, но Анастасия знала: он заряжался не от успеха, а от момента, когда хаос наконец отступал. Как пожарный, который любит не воду, а тишину после сирены.

— Знаешь, — он откинулся на спинку сиденья, — я тут подумал. Десять дней. Никаких дедлайнов. Никаких «срочно». Только мы, море и этот твой… как его… Гранатовый двор?

— Поместье, — поправила она. — И да. Десять дней. Без «срочно». Без «надо». Без «ты молодец, как всегда выручила».

Он усмехнулся. Усмешка была доброй, но в ней читалась привычка: люди не умеют жить без задач. Они просто меняют одни на другие.

Поезд замедлился. За окном мелькнула табличка «Алушта». Воздух в вагоне стал гуще, пахнущим хвоей, пылью и чем-то сладким, похожим на перезревший инжир. Анастасия

закрыла глаза. В голове всплыла картинка из прошлого: она, семь лет, сидит на полу в детской, смешивает гуашь, мама говорит «красиво», учительница в кружке — «талант», а потом — «надо серьёзно», «где перспектива», «почему не как у других?». И она закрыла тетрадь. Поставила мольберт в угол. Сказала себе: «потом».

«Потом» длилось пять лет. Оно стало уютным. Оно стало безопасным. Оно стало клеткой без прутьев.

— Прибыли, — Дмитрий встряхнул её за плечо. — Хватай рюкзак. Я понесу чемодан. И да, если ты спросишь, где тут Wi-Fi, я сделаю вид, что не слышу.

Она рассмеялась. Впервые за неделю по-настоящему.

Выход из вокзала ударил жаром, как открытая духовка. Море было видно сразу: бирюзовое, ленивое, усыпанное белыми точками катамаранов. Такси ждать не пришлось. Их ждал старый «УАЗ» с наклейкой «Гранатовое поместье. Тишина. Ключи. Без суеты». Водитель, седой мужчина в выцветшей рубашке, кивнул, помог с вещами и поехал не по трассе, а по узкой дороге, петляющей меж сосен и каменных заборов.

Поместье встретило их скрипучей калиткой, мощёной дорожкой из ракушечника и деревом. Оно стояло у самой веранды, старое, узловатое, с ветвями, которые, казалось, помнили ещё турецкие времена. На нём висели плоды. Тяжёлые, тёмно-красные, с кожицей, похожей на запёкшуюся глину. Внутри — семена, готовые лопнуть от одного взгляда.

Хозяйка вышла на крыльцо. Маргарита Ильинична. Женщина с лицом, на котором время не стёрло черты, а отшлифовало их, как морские камни. На ней было льняное платье цвета охры и босоножки, которые, казалось, никогда не знала асфальта.

— Ключи, — сказала она, протягивая связку на ладони. — Генератор работает. Вода — с перебоями, но фильтры в кухне. Если ищете громкое — езжайте в Ялту. Тут растёт только то, что успело пустить корни.

Анастасия взяла ключи. Металл был тёплым.
— Спасибо, — сказала она. — Мы не ищем громкое.

Маргарита Ильинична кивнула, будто проверяла ответ на прочность, и ушла внутрь.

Вечер опустился мягко, как покрывало. Море дышало вдалеке, ровно, без спешки. Дмитрий уже сидел за столом на веранде, листая ленту в телефоне: «Света, свет в зале горит?», «Дима, завтра звук проверяем?», «Настя, когда будет отчёт?». Он не отвечал. Просто смотрел. Потом закрыл экран.

Анастасия достала блокнот. Отрыла первую страницу. Там было написано её же почерком, ровным и аккуратным:
«Начать. Когда будет время. Когда будет место. Когда буду готова. Когда…»
Она провела пальцем по строчке. Бумага была гладкой. Холодной.

— Знаешь, — сказал Дмитрий, не поднимая глаз, — ты пишешь «когда». А «когда» не приходит. Оно просто остаётся в прошлом, пока ты ждёшь.

Она не ответила. Закрыла блокнот. Положила его на стол. Ветер шевельнул страницу. Где-то в кустах стрекотала цикада. Море вздохнуло.

Время не приходило. Оно уже шло. И она, наконец, перестала делать вид, что не слышит его шагов.

ГЛАВА 2. ЧЕМОДАН, МОЛЬБЕРТ И НЕВИДИМЫЙ ГРУЗ.

Крымское утро не стучит в дверь. Оно просачивается. Через щели в ставнях, через запах нагретой хвои и соли, через ровное дыхание моря, которое слышно даже сквозь закрытое окно. Анастасия открыла глаза раньше будильника. Дмитрий спал рядом, рука перекинута через подушку, дыхание тяжёлое, вымученное — то самое, которое бывает у людей, привыкших гасить пожары перед сном.

Два года вместе. Она знала этот сон. Знала, как он просыпается: сначала проверяет телефон, потом тянется к воде, потом смотрит на неё, как будто убеждается, что мир всё ещё на месте. Она знала его язык заботы: молчаливый, практический, без лишних слов. Но знала и его язык усталости: та же молчаливость, тот же практический взгляд, только без искры.

Она встала босиком. Пол был прохладным, деревянным, пахнущим воском и старым домом. Чемодан стоял у стены, раскрытый, как рот, ожидающий объяснений. Она начала распаковываться методично, как всегда: футболки, джинсы, косметичка, зарядки, таблетки от головы. Всё по полочкам. Всё под контролем. Пока рука не коснулась дна.

Там лежал свёрток. Ткань была мягкой, выцветшей, помнящей другие чемоданы, другие переезды, другие «потом». Она развернула его. Мольберт. Лёгкий. Слишком лёгкий. Как обещание без веса.

Дмитрий появился в дверном проёме. Волосы взъерошены, футболка помята, в руках — полотенце, которое он так и не успел использовать. Он остановился. Взгляд скользнул по мольберту, задержался на её руках. Молчание между ними не было пустым. Оно было плотным. Как воздух перед грозой.

— Ты его привезла, — сказал он. Не вопрос. Констатация.
— Привезла.
— И что?
— И ничего. Пока.

Он усмехнулся. Усмешка была тёплой, но в ней читалась привычка человека, который уже видел этот сценарий. Не раз. Не два. За два года он выучил её грамматику откладываний. «Сначала разберусь с отчётом». «Сначала накоплю на нормальные краски». «Сначала пойму, что именно хочу рисовать». «Сначала…» — бесконечное «сначала», за которым пряталось простое, голое «страшно».

Она провела пальцем по деревянной планке. Пыль. Мелкая, серая, равнодушная. Её руки были чистыми. Ногти аккуратные. Кожа гладкая. Никаких следов краски, никаких мозолей, никаких шрамов от шпателей. Только следы клавиатуры, мыши, рукопожатий на встречах,

где она кивала, соглашалась, брала на себя, говорила «я разберусь», получала «спасибо, ты спасла», «как всегда выручила», «ты молодец».

Полезность — это клетка с бархатной обивкой. В ней тепло. В ней сытно. В ней не больно. Но в ней нечем дышать.

— Знаешь, что самое смешное? — Дмитрий подошёл к чайнику, включил плиту. Вода зашипела тихо, как змея, которая не хочет будить лес. — Ты говоришь «когда посчитаю нужным». А на деле ждёшь, когда кто-то другой даст тебе разрешение.

Она не подняла глаз. Смотрела на пыль.
— Я не жду разрешения. Я жду условий.

— Условия создаются руками, Настя. Не ожиданием.

Она наконец посмотрела на него. В его глазах не было упрёка. Только факт. Сухой, точный, как расчёт прочности металла. Он знал: сплав не плавится от желания. Он плавится от температуры.

— У меня нет сил после работы, — сказала она тихо. Голос не дрожал. Он был ровным, как лезвие. — График. Люди. Задачи. Прихожу — и хочу только лежать. Смотреть сериал. Чтобы мозг отключился.

— А рисование включает. — Он налил воду в чашки, добавил мятный лист с подоконника. — Вот и конфликт. Ты выбираешь выключение, потому что включение требует ответственности. Перед собой. Перед холстом. Перед тем, что получится неидеально. И что тогда?

Она усмехнулась. Коротко. Без радости.
— Ты стал психологом?

— Я стал человеком, который видел, как ты помогаешь коллегам, даже когда у тебя самой дедлайн горит. Ты заряжаешься от того, что нужна. А когда остаёшься одна — не знаешь, чем наполнить пустоту. Поэтому ищешь задачи. Даже если их нет. Даже если сидишь и думаешь: «чем себя занять».

Она отвернулась к окну. Море было ровным, как отполированное стекло. Внутри — не шторм. Шторм был бы честнее. Внутри было что-то хуже: вязкое, тихое, тягучее. Ощущение, что она бежит по беговой дорожке. Ноги двигаются. Пульс в норме. Но никуда не приближаешься.

— А если начну и получится плохо? — спросила она. Не к нему. К себе. К тому страху, который жил в районе солнечного сплетения и притворялся благоразумием.

— Тогда будет честно, — сказал Дмитрий. Он сел напротив. Положил руки на стол. Без телефонов. Без списков. Просто руки. — Хуже, чем «пока», уже не будет.

Она взяла кисть из кармана рюкзака. Не специально. Просто пальцы нашли её сами. Провела по дереву мольберта. Пыль посыпалась на пол. Лёгкая. Невесомая. Как старые обещания.

— Я путаю отдых с выключением, — сказала она вдруг. Слова вырвались сами, как пар из-под крышки. — Я думаю, что если не буду полезна, то стану невидимой. А если стану невидимой, то перестану существовать. Поэтому и бегу в задачи. Поэтому и жду «когда». Потому что «когда» — это безопасно. Там никто не ждёт результата. Там можно просто… быть потенциальной.

Дмитрий кивнул. Медленно. Без спешки.

— Я тоже так жил. Пока не понял: кризисы не делают меня героем. Они делают меня уставшим. А аплодисменты после — это не награда. Это анестезия. Я хочу недвижимость. Бренд. Что-то, что растёт медленно. Без сирен. А на деле бегаю между подрядчиками и спасаю бюджеты. Хочу владеть — а живу как арендатор собственной жизни.

Она посмотрела на него. Впервые за утро увидела не того, кто «всё разруливает». А того, кто тоже ждал. Тоже боялся. Тоже прятался за «потом».

— Мы оба играли в «когда-нибудь», — сказала она.

— Да, — он улыбнулся. На этот раз — без трещинки. — А «когда-нибудь» — это просто сегодня, которое мы боимся признать.

Она встала. Подошла к мольберту. Расправила холст. Пальцы дрожали. Не от страха. От непривычки. От того, что тело помнило: раньше, когда ты брался за дело, тебе говорили «сделай идеально» или «сделай как у других». Никто не говорил: «сделай как чувствуешь».

Она открыла тюбик ультрамарина. Запах акрила ударил в нос — резкий, химический, честный. Выдавила каплю на палитру. Добавила белил. Перемешала. Цвет стал густым, молочно-синим. Как утреннее небо над морем.

— Я боюсь, — прошептала она. — Что мазок выйдет кривым. Что цвет ляжет грязно. Что я потрачу час, а результат будет «не для выставки». И тогда кто я?

— Ты тот, кто рискнул, — сказал Дмитрий тихо. — Не тот, кто получил лайк.

Она взяла кисть. Макнула в краску. Поднесла к холсту. Остановилась. В голове мелькнули голоса: «Зачем?», «У тебя же работа», «Сначала закончи отчёт», «Потом, когда будет время». Она закрыла глаза. Сделала вдох. Выдох. И провела.

Мазок вышел неровным. Сухим в начале, густым в конце. Цвет лёг не туда, куда она планировала. Но холст принял. Не судил. Не требовал. Просто впитал.

Она открыла глаза. Усмехнулась.

— Уродство.

— Честность, — поправил он.

Она смешала охру с сиеной. Добавила воды. Второй мазок пошёл легче. Третий — уже без раздумий. Пальцы пачкались. Ногти теряли лак. Дыхание выровнялось. Впервые за пять лет она не думала о результате. Она думала о движении. О том, как кисть сопротивляется, как краска тянется, как рука находит ритм без инструкций.

— Знаешь, — сказала она, не отрываясь от холста, — я всё время боялась, что если начну без гарантий, то окажусь никем. А на деле… я уже есть. Просто не позволяла себе это увидеть без чужого одобрения.

Дмитрий налил себе чай. Сел на подоконник. Смотрел на неё. Не как на задачу. Не как на проблему. Как на человека, который наконец-то выбрался из комнаты ожидания.

— Я думал, что если перестану быть «тем, кто всё разруливает», то стану ненужным, — сказал он вдруг. Голос был ровным, но в нём пробивалась трещина. — А на деле… я просто хочу быть Дмитрием. Не функцией. Не спасателем. Не тем, кто держит всё на себе. Просто человеком, который может сидеть тихо. Без сирен. Без чужих дедлайнов. Без страха, что если я выключусь, всё рухнет.

Она отложила кисть. Подошла к нему. Села рядом. Положила голову ему на плечо.
— Ничего не рухнет, — сказала она. — Мир умеет крутиться без нас. А мы умеем крутиться без мира.

Он обнял её. Крепко. Без спешки.
— Десять дней, — прошептал он. — Без «срочно». Без «надо». Только мы. И море.

— И краски, — улыбнулась она.
— И краски, — кивнул он.

За окном закричала чайка. Ветер шевельнул гранатовые листья. Пыль на полу осталась лежать. Не убранная. Не спрятанная. Просто факт. Как первый мазок. Как первый вдох. Как начало.

День ещё не начался. Но уже шёл.

ГЛАВА 3. ФОРС-МАЖОРЫ ПОД СОЛНЦЕМ.

Третий день в Крыму начался не с птиц и не с кофе. Он начался с сухого, металлического щелчка, похожего на выстрел в закрытом тире. Генератор, стоявший у забора под выцветшим навесом, чихнул, закашлялся и умер. В ту же секунду погас свет, перестала гудеть колонка с водой, а кондиционер в спальне выдохнул тёплый воздух и замолк. Анастасия открыла глаза. Потолок казался выше. Жара уже вползала в комнату, липкая, тяжёлая, пахнущая пылью, сосновой смолой и нагретым деревом.

— Всё, — сказал Дмитрий из темноты. Голос был спокойным. Слишком спокойным. Как у хирурга, который только что услышал: «У пациента остановилось сердце». — Генератор сдох. Вода, скорее всего, с перебоями. Магазин в четырёх километрах в гору. Велик есть. Я поеду.

— Дим, — она потянулась к нему, нащупала тёплое плечо, — может, просто подождём? Может, они сами приедут? Хозяева же…

— Хозяева в Ялте. До вечера не вернутся. А нам пить хочется уже сейчас. И в туалет сходить тоже. — Он уже встал, натянул футболку, нашёл в темноте кроссовки. Движения были отточенными, экономными. Никакой паники. Только алгоритм: проблема → план → действие.

— Ты оставайся. Проветри. Сделай чай на газу. Я через час вернусь с канистрой и электриком. Или с вином и философией. Зависит от погоды и характера местного мастера.

Дверь хлопнула. Скрипнула калитка. И Анастасия осталась одна в внезапно ставшем огромным доме.

Она встала, подошла к окну. За стеклом крымское утро уже набирало силу. Солнце било по черепице, по листьям гранатового дерева, по пыльной дороге. Цикады начали свою дневную симфонию — монотонную, неумолимую, как метроном. Она взяла телефон. Экран засветился. Рабочий чат мигал тремя сообщениями: «Настя, тайминг на пятницу?», «Клиент нервничает, ответь, пожалуйста», «Ты как всегда выручишь, мы знаем». Она смотрела на них. Палец завис над клавиатурой. Раньше она бы уже печатала: «Да, конечно, сейчас всё улажу». Раньше она бы встала, включила ноутбук, начала спасать чужие дедлайны, чтобы почувствовать себя живой. Сейчас она просто положила телефон экраном вниз.

«Почему?» — спросила она себя. Ответ пришёл не словами, а ощущением. Потому что впервые за два года у неё не было задачи. И она не умерла от этого. Мир не рухнул. Небо не упало. Просто кто-то другой должен был разобраться с электричеством. И это было… странно. Свободно. Пугающе.

Она вышла на веранду. Воздух был горячим, но живым. Пахло травой, нагретой землёй и чем-то сладким, похожим на перезревшую айву. Села на деревянную скамью, обняла колени. В голове всплыло вчерашнее: «Я жду условий». А что, если условия — это не отсутствие проблем? Что, если условия — это именно они? Генератор. Жара. Тишина. Возможность не быть полезной. Просто быть.

Дмитрий вернулся через полтора часа. Выглядел так, будто прошёл через зону боевых действий, но выиграл войну. Пыль на щеках, пот на лбу, в руках — две пластиковые канистры, моток проволоки и визитка местного мастера. За спиной, на велике, болтался пакет с продуктами и бутылка ледяного лимонада.

— Электрик приедет к четырём, — он бросил ключи на стол, вытер лоб тыльной стороной руки. — Генератор починит. Вода пойдёт через час. А пока у нас есть лимонад, хлеб, сыр и философия выживания.

Анастасия рассмеялась. Смех вышел лёгким, неожиданным для самой неё.

— Ты же не мог не ввязаться.

— Не мог, — он сел рядом, откупорил лимонад, протянул ей. — Это мой язык. Хаос → порядок. Проблема → решение. Я так устроен. С детства. С металлургии. С ивентов. Мне нужно знать, что я могу это починить. Иначе чувствую, что теряю контроль.

— А если не починишь? — она сделала глоток. Лёд колол язык, приятной болью пробуждая тело.

— Тогда буду чинить дальше. Пока не починю. Или пока не пойму, что это не моё. — Он посмотрел на неё внимательно. — Ты знаешь, что самое смешное? Я думал, что заряжаюсь от результата. А на деле заряжаюсь от облегчения. Когда кризис прошёл. Когда все выдохнули. Когда меня назвали «молодцом». Но это не радость, Настя. Это анестезия. Ты перестаёшь чув-

ствовать усталость, потому что адреналин её заглушает. А потом он падает. И ты снова пустой. И снова ищешь новый кризис, чтобы снова почувствовать себя живым. Это не жизнь. Это бег по кругу с призами в виде «спасибо».

Она молчала. Слушала цикад. Слушала его дыхание. Слушала, как внутри что-то сдвигается, как ледник, который наконец-то тронулся.

— Я тоже путаю, — сказала тихо. — Думала, что отдых — это когда всё сделано. А на деле отдых — это когда не надо ничего делать. И не чувствовать за это вины. Я привыкла, что ценность = полезность. Если я не решаю, не помогаю, не закрываю — я не существую. Поэтому и бегу в задачи. Даже когда их нет. Поэтому и сижу, думаю: «чем себя занять». Потому что пустота пугает больше, чем усталость.

Дмитрий кивнул. Медленно.

— Мы оба жили в режиме «спасения». Ты — чужих задач. Я — чужих форс-мажоров. А себя — спасать забывали. И вот парадокс: мы создаём хаос вокруг себя, чтобы потом героически его устранять. И называем это работой.

Ветер шевельнул листья. Где-то вдалеке залаяла собака. Хозяйка, Маргарита Ильинична, появилась у калитки с глиняным кувшином. Не спросив разрешения, вошла на веранду, поставила кувшин на стол, разлила тёмно-красный сок в два стакана.

— Гранатовый, — сказала она. — Свежий. От вчерашнего урожая. Пейте. Силы добавляет. Не от электричества. От земли.

Они выпили. Сок был терпким, густым, с лёгкой горчинкой. Анастасия почувствовала, как тепло разливается по груди. Не от кофе. Не от адреналина. От простого, земного «сейчас».

— Спасибо, — сказала она.

— Не благодарите, — махнула рукой Маргарита Ильинична. — Просто помните: дерево не торопит плоды. Оно их растит. Вы тоже не торопитесь. У вас десять дней. Это вечность, если не тратить её на тревогу. И не пытайтесь заполнить её задачами. Заполняйте её вниманием. К себе. К друг другу. К тому, как свет ложится на стол. К тому, как пахнет трава после полудня. Задачи сами найдут вас. А внимание — его надо включить вручную.

Она ушла. Калитка скрипнула. Веранда снова стала их.

Дмитрий откинулся на спинку стула, закрыл глаза.

— Знаешь, — сказал он не открывая глаз, — я всё время боялся, что если перестану бежать, то стану ненужным. А на деле… я просто хочу сидеть. Без сирен. Без дедлайнов. Без страха, что всё рухнет, если я выключусь на час.

Анастасия посмотрела на свои руки. Вчерашняя краска уже въелась в ногти. Синяя полоска на указательном пальце. Она не стала её стирать.

— А я боялась, что если перестану быть полезной, то исчезну. — Она улыбнулась. — Но я здесь. И я есть. Даже без отчётов. Даже без лайков. Даже если просто смотрю, как муха ползёт по перилам.

Он открыл глаза. Посмотрел на неё. В его взгляде не было оценки. Не было «молодец». Было просто присутствие. Тихое. Настоящее.

— Завтра поедем к маяку, — сказал он. — Без плана. Без тайминга. Без «если успеем». Просто посмотрим, как море встречается с небом.

— Поедем, — ответила она. И впервые за долгое время не добавила «если будет время».

Вечер опустился мягко, без резких переходов. Небо стало лиловым, потом оранжевым, потом тёмно-синим, усыпанным звёздами, которые в Крыму казались ближе, чем в городе. Генератор застучал ровно, как сердцебиение. Вода потекла в кранах. Мир вернулся в норму. Но они уже не были прежними.

Анастасия стояла у перил, смотрела на море. В кармане лежал блокнот. На новой странице она написала всего одну строчку:

*«Условия не ждут. Они создаются. Даже из жары, из тишины, из отсутствия задач. Даже из страха. Главное — не прятаться за „потом“.»

Дмитрий подошёл сзади, не обнял, просто встал рядом. Плечо к плечу.

— Что пишешь?

— Инструкцию по выживанию, — усмехнулась она. — Но без спасателей.

— Хорошая инструкция, — кивнул он. — Работает.

Цикады замолчали. Море выдохнуло. День закончился. Не идеально. Но честно. И это было достаточно.

Глава 4. КОГДА ПОХВАЛА ЗАМЕНЯЕТ ТИШИНУ.

Пятый день не начался с будильника. Он начался с тени. Оливковые рощи за поместьем отбрасывали на дорогу длинные, прохладные полосы, и Анастасия, впервые за неделю, не проверила уведомления. Телефон остался на веранде. Только бутылка воды, кепка и лёгкий рюкзак, куда она сунула блокнот и карандаш. Дмитрий шёл рядом. Без списков. Без плана. Просто в кроссовках и футболке, выцветшей от двух лет крымских отпусков и московских дедлайнов.

— Знаешь, — сказал он, перешагивая через корень, — у меня в голове до сих работает таймер. Как в ивентах: «за три часа до старта», «за час до выхода», «если звук ляжет — план Б». А тут таймер не тикает. И мозг не знает, как вести себя без паники.

— Мой мозг тоже, — улыбнулась она. — У меня внутри сидит невидимый менеджер, который постоянно спрашивает: «Настя, а ты чем занята? А результат где? А тебя уже похвалили?». Я иду гулять, а он стоит за спиной с табличкой «непродуктивное время».

— Скажи ему, что сегодня у нас выходной, — Дмитрий подмигнул. — И что мы платим ему моральным ущербом.

Она рассмеялась. Смех был лёгким, без привычной фоновой тревоги. Дорога петляла меж старых олив. Листья шуршали, серебряные с изнанки, пахли горьким маслом и солнцем. Воздух был густым, как мёд. Чем выше они поднимались, тем чаще открывалось море. Сначала — кусочком между ветвями. Потом — широкой полосой. Потом — целиком: бирюзовое, ленивое, с белыми гребнями волн, которые разбивались о скалы без спешки.

Маяк стоял на мысе. Не тот, что из открыток. Старый, облупленный, с ржавой решёткой на балконе и выцветшей табличкой «1912. Ремонт не требуется». Внутри давно горел автоматический светодиод. Но люди всё равно приходили сюда. Не ради навигации. Ради вида. Ради тишины.

Они сели на деревянную скамью у подножия. Доски были тёплыми, отполированными ветром и тысячами ладоней. Анастасия вытащила блокнот. Открыла. Пустая страница. Раньше она бы исписала её планами: «что сделать», «кого спросить», «как улучшить». Сегодня она просто провела карандашом линию. Длинную, неровную, уходящую к краю.

— Я привыкла, что меня ценят за пользу, — сказала она вдруг. Слова не рвались наружу. Они вытекали сами, как вода из трещины в скале. — Помогла — молодец. Сделала — спасибо. Решила проблему — незаменимая. А если просто сижу? Если просто рисую? Если не спасаю, не закрываю, не отчитываюсь? Тогда я… невидимка. И это страшно. Потому что если меня не видят, значит, я не существую.

Дмитрий кивнул. Не перебивал. Просто смотрел на море.

— Я тоже так жил. Аплодисменты после мероприятия, «Дим, ты спас», «без тебя бы всё рухнуло»… Это не награда. Это анестезия. Ты получаешь дозу, чтобы не чувствовать усталость. Чтобы не задавать вопрос: «а зачем я вообще это делаю?». Кризисы не делают меня героем. Они делают меня функцией. А функция не мечтает о бренде одежды. Функция только чинит.

Она повернулась к нему. В его глазах не было самообвинения. Только ясность. Как после дождя.

— Мы оба путаем шум с жизнью, — сказала она тихо. — Я жду похвалы, чтобы почувствовать, что дышу. Ты ждёшь кризиса, чтобы почувствовать, что нужен. А тишина… тишина кажется пустотой. Потому что в ней нет чужих голосов. Только свой. А его мы не слышали годами.

Ветер донёс запах нагретой хвои. Где-то внизу крикнула чайка. Море выдохнуло, втянуло, снова выдохнуло. Ритм. Без дедлайнов. Без отчётов. Просто бытие.

— А если я начну рисовать, — продолжила она, — и получится плохо? Не для выставки. Не для инстаграма. Не для «вау». Просто… криво. Косо. Грязно. Что тогда? Я ведь не смогу сказать: «смотрите, я молодец». Я скажу: «смотрите, я попробовала». И никто не похлопает.

— Тогда это будет честно, — Дмитрий взял её руку. Пальцы были тёплыми. Без лака. С вчерашней синей краской под ногтем. — Холст не ждёт шедевра. Он ждёт контакта. Ты не обязана быть талантливой с первого мазка. Ты обязана быть настоящей. А настоящая — она неидеальна. Она пачкается. Она ошибается. Она стирает. Она снова мажет. И в какой-то момент перестаёт спрашивать: «а что подумают?». Потому что спрашивает уже не внешний мир. А внутренний. И он всегда отвечает одно: «продолжай».

Она усмехнулась. Впервые за долгое время без привычного «надо бы собраться».

— Знаешь, почему я не закончила образование? — спросила она вдруг. Тема всплыла из глубины, как камень, который долго лежал на дне. — Потому что финал — это оценка. А пока я «учусь», «потом допишу», «возьму академ» — я в безопасности. Я в процессе. В процессе никто не ставит двоек. В процессе можно быть потенциальной. А потенциальную не судят. Её жалеют. Её поддерживают. Её не заставляют нести ответственность.

Дмитрий кивнул медленно.

— Я тоже боюсь финала. Бренд одежды. Недвижимость. Это же не «помочь подрядчику». Это моё. Моё имя. Мой риск. Мой результат. Если не взлетит — это уже не «не хватило времени» или «компания не дала удалёнку». Это «я не справился». А с кризисами проще: всегда можно сказать «внешние обстоятельства», «клиент поменял ТЗ», «подрядчик подвёл». Свой бренд не подведёт. Он просто покажет, что внутри. А внутри… страшно оказаться пустым.

Они замолчали. Не потому что нечего сказать. А потому что слова уже не нужны. Они просто сидели. Плечо к плечу. Дышали одним воздухом. Слушали, как внутри что-то перестраивается. Не ломается. Перестраивается. Как дом, который наконец-то снял леса.

К скамейке подошла собака. Местная, лохматая, с одним ухом, которое стояло, а второе лежало, как будто она всё время прислушивалась к чему-то невидимому. Она положила морду на колено Дмитрию, вздохнула и закрыла глаза.

— Вот она, — шепнула Анастасия. — Не просит похвалы. Не ждёт кризиса. Просто пришла. И ей достаточно.

— Она знает секрет, — улыбнулся он, погладил её за ухом. — Быть здесь. Сейчас. Без отчётов. Без лайков. Без «когда-нибудь».

Солнце начало клониться к горизонту. Небо окрасилось в оттенки персика, лаванды и старого золота. Море стало зеркалом, в котором отражались облака, похожие на размазанную акварель. Анастасия достала карандаш. Не стала рисовать море. Не стала рисовать скамейку. Нарисовала линию. Потом ещё одну. Потом ещё. Они пересекались, расходились, складывались в узор. Без плана. Без цели. Просто рука вела. Просто карандаш шуршал. Просто она дышала.

— Я больше не буду ждать разрешения, — сказала она тихо. Не ему. Себе. — Я разрешаю себе быть начинающей. Быть неидеальной. Быть без аплодисментов. Быть без «молодец». Быть просто собой. Даже если никто не увидит. Даже если никто не купит. Даже если это будет просто мазок. Но мой.

Дмитрий не сказал «ты справишься». Не сказал «я в тебя верю». Он просто положил руку ей на плечо. Тепло. Тяжело. Настояще.

— Я верю в процесс, — ответил он. — Не в результат. В процесс. Потому что результат — это точка. А процесс — это жизнь. И мы наконец-то в ней.

Они спустились по тропе, когда небо уже потемнело, а первые звёзды начали проклёвываться над морем. Возвращались молча. Не потому что устали. А потому что внутри было тихо. Та самая тишина, которую они боялись годами. А она оказалась не пустотой. А пространством. Место, где можно дышать. Место, где можно быть.

Дома, на веранде, Анастасия открыла блокнот. На новой странице написала:

«Похвала — это ветер. Он толкает, но не греет. Тишина — это печь. В ней нужно развести огонь самому. Но когда разведёшь — она будет греть долго. Даже ночью. Даже без зрителей.»

Дмитрий заварил чай. Сел рядом. Не включил телефон. Не открыл ноутбук. Просто сидел. Смотрел, как пар поднимается от чашки. Как луна ложится на море. Как мир крутится без их участия. И это было нормально. Больше, чем нормально. Это было правильно.

Четвёртый день закончился. Не идеально. Не героически. Просто честно. И в этой честности было больше силы, чем в тысяче спасённых дедлайнов и сотнях «ты молодец».

Они наконец-то перестали ждать, когда их позовут на сцену. И поняли: сцена уже здесь. И зритель — только один. Они сами.

ГЛАВА 5. РАЗГОВОР С ГРАНАТОВЫМ ДЕРЕВОМ.

Утро шестого дня пришло не светом, а прохладой. Роса лежала на гранатовых листьях тяжёлыми каплями, похожими на расплавленное стекло. Анастасия открыла глаза в пять. Не от звонка. Не от тревоги. От тишины, которая внутри наконец-то перестала быть врагом. Дмитрий спал ровно, рука свесилась с кровати, дыхание стало глубже, без привычных рывков человека, который даже во сне готовится к пожару. Она накрыла его пледом, тихо вышла в сад.

Гранатовое дерево стояло у забора, узловатое, с корой, потрескавшейся от летних солнц и зимних ветров. Корни, похожие на вены, уходили глубоко в сухую крымскую землю. Она села у ствола, обхватила колени, закрыла глаза. Земля пахла мокрым камнем, перегноем и чем-то острым, похожим на память. «Я не ленивая, — думала она, перебирая в пальцах сухой лист. — Я просто боюсь увидеть себя настоящую. Ту, которая не ждёт похвалы. Ту, которая рисует не для выставок, а чтобы понять, что внутри. Ту, которая может ошибиться, испачкать руки, не попасть в цвет, и всё равно продолжить».

Ветер шевельнул ветви. Где-то вдалеке крикнула чайка. Она вспомнила детство. Первый рисунок на обоях. Мама сказала: «Красиво». Учительница в кружке: «Талант». А потом — «Надо учиться серьёзно», «Где тут перспектива?», «Почему не как у других?». И она закрыла тетрадь. Поставила мольберт в угол. Сказала себе: «Потом». «Потом» длилось пять лет. Оно стало уютным. Оно стало безопасным. Оно стало клеткой без прутьев, которую она сама же и полировала каждый день, добавляя новые слои «сначала разберусь», «сначала накоплю», «сначала допишу диплом».

«Незавершённость» — её главный щит. Пока ты «учишься», «берёшь академ», «потом вернёшься» — ты в безопасности. В процессе никто не ставит итоговую оценку. В процессе можно быть потенциальной. А потенциальную не судят. Её жалеют. Её поддерживают. Её не заставляют нести ответственность за результат. Но щит со временем превращается в тюрьму. И ты начинаешь задыхаться от собственной осторожности. Ты привыкаешь к роли «почти готовой», потому что «готовая» должна выдержать проверку. А проверка — это риск оказаться неидеальной. Неидеальность в её голове равнялась отвержению. Поэтому она тянула время. Называла это «поиском себя». А на деле пряталась от зеркал.

Шаги по гравийной дорожке заставили её открыть глаза. Маргарита Ильинична несла лейку, одетая в выцветший халат цвета охры, с седыми волосами, собранными в тугой пучок. Она не поздоровалась сразу. Просто полила корни граната, медленно, без спешки. Вода уходила в землю, не брызгая, не торопясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.